

Ю. Шаповал

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан
e-mail: shapovaluv@gmail.com

ВОВЛЕЧЕНИЕ КАЗАХСТАНСКИХ ЖЕНЩИН В ТЕРРОРИСТИЧЕСКУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ ИГИЛ: ФАКТОР ИДЕНТИЧНОСТИ

В статье рассматривается влияние фактора идентичности на вовлечение казахстанских женщин в террористическую организацию ИГИЛ, так как среди выехавших в «Исламское государство» граждан значительное количество составляли женщины и дети. Роль фактора идентичности исследуется на основе концепции формирования идентичности известного психолога Э. Эриксона, который акцентирует внимание на возрастных кризисах идентичности во взаимодействии с историческими и социальными контекстами. Методом исследования являлись интервью с женщинами, возвращенными из Сирии в рамках гуманитарной операции «Жусан». Применение подхода Э. Эриксона к казахстанскому материалу позволило прийти к выводу, что формирование идентичности многих женщин через этапы возрастных кризисов идентичности происходило путем накопления нерешенных конфликтов, что привело к «спутанности идентичности» и негативной идентичности, основанной на отчуждении от общества и на поколенческом разрыве с семьей, с этническими и культурными традициями, что способствовало уязвимости перед идеологией ИГИЛ. В условиях постсоветского контекста идеологического кризиса, затянувшегося поиска новой государственной идеологии и постоянного реформирования институтов социализации, ИГИЛ предлагало молодым людям упрощенную идеологическую систему с четкими ориентирами и новую исламскую идентичность. Данное исследование выявило проблемные зоны в институтах социализации, на которые следует обратить внимание обществу и государству для снижения рисков вовлечения молодых людей, включая девушек, в религиозно-мотивированную экстремистскую идеологию.

Ключевые слова: идентичность, казахстанские женщины, ИГИЛ, идеология, постсоветский контекст.

Yu. Shapoval

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan
e-mail: shapovaluv@gmail.com

Involvement of Kazakhstani Women in the ISIS Terrorist Organisation: Identity Factor

The article considers the influence of the identity factor on the involvement of Kazakhstani women in the terrorist organization ISIS, as a significant number of women and children were among the citizens who left for the 'Islamic State'. The role of the identity factor is explored on the basis of the famous psychologist E. Erikson's concept of identity formation, who focuses on age-related identity crises in interaction with historical and social contexts. The research method was interviews with the women returned from Syria as part of the humanitarian operation 'Jusan'. The application of E. Erikson's approach to the Kazakhstani material allowed us to conclude that the identity formation of many women occurred through the stages of age-related identity crises and accumulation of unresolved conflicts, which led to "identity confusion" and a negative identity. These identities were based on alienation from society and on a generational gap with family, with ethnic and cultural traditions, which contributed to vulnerability to the ISIS ideology. In the post-Soviet context of ideological crisis and the protracted search for a new state ideology and constant reform of the socialization institutions, ISIS offered young people a simplified ideological system with clear guidelines and a new Islamic identity. This study has identified problems in socialization institutions that the society and the state should take into consideration to reduce the risks of involving young people, including young women, in religiously motivated extremist ideology.

Key words: identity, Kazakhstani women, ISIS, ideology, post-Soviet context.

Ю. Шаповал

А.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана қ., Қазақстан
e-mail: shapovaluv@gmail.com

Қазақстандық әйелдерді ДАИШ террористік ұйымына тарту: бірегейлік факторы

Мақалада қазақстандық әйелдердің ДАИШ террористік ұйымына тартылуына ықпал еткен бірегейлік фактордың әсері қарастырылған, өйткені «Ислам мемлекетіне» кеткен азаматтардың ішінде басым бөлігі әйелдер мен балалар болған. Бірегейлік факторының рөлі тарихи және әлеуметтік контексттермен өзара әрекеттесудегі жас ерекшелік дағдарыстарына назар аударған белгілі психолог Э. Эриксонның тұлға бірегейлігінің қалыптасу тұжырымдамасы негізінде зерттеледі. Зерттеу әдісі «Жусан» гуманитарлық операциясы аясында Сириядан оралған әйелдермен сұхбат түрінде болды. Э. Эриксонның теориясын қазақстандық материалға қолдану кезінде көптеген әйелдердің жас ерекшелік дағдарыстарының кезеңдерінен өту барысында қоғам мен отбасыдан алшақтауға, ұрпақтық қатынасты үзуге, этникалық және мәдени дәстүрлерден қашудың себебі болған «бірегейліктің шатасуы» және теріс бірегейліктің қалыптасуы сынды шешілмеген қақтығыстардың жинақталуы аталмыш әйелдердің ДАИШ идеологиясының алдында осалдық танытуларына жол берді. Посткеңестік идеологиялық дағдарыс жағдайында, жаңа мемлекеттік идеологияны ұзақ іздестіру мен әлеуметтену институттарын үнемі реформалау жағдайында ДАИШ жастарға нақты бағдарлары бар жеңілдетілген идеологиялық жүйені және жаңа исламдық бірегейлікті ұсынды. Бұл зерттеу жастардың, соның ішінде қыздардың діни-уәжді экстремисттік идеологияға тартылу әрекеттерін азайту үшін қоғам мен мемлекет тарапынан назар аударуды қажет ететін әлеуметтену институттарындағы проблемалық аймақтарды анықтады.

Түйін сөздер: бірегейлік, қазақстандық әйелдер, ДАИШ, идеология, посткеңестік контекст.

Введение

Характеризуя современный джихадизм, известный исследователь О. Руа (Roy, 2017: 33), отмечает рост числа женщин в рядах джихадистских организациях с 1990-х годов, что приобрело массовый характер с появлением ИГИЛ и провозглашением им халифата, куда женщины выезжали как с семьями, так и в одиночку. По данным Международного центра изучения радикализации и политического насилия (ICSR) не менее 41 490 граждан из 80 стран отправились в Сирию и Ирак, на территорию так называемого «Исламского государства», четверть из которых были женщины и несовершеннолетние дети (Cook&Vale, 2018: 3). Политический деятель и исследователь Е. Карин, принимавший непосредственное участие в организации и проведении гуманитарной операции «Жусан» по возвращению казахстанских граждан из зон террористической активности Сирии и Ирака, в своей книге, основываясь на данных казахстанских спецслужб, приводит данные, что из Казахстана выехало более 870 казахстанских граждан без учета детей (Карин, 2020: 20), а также дает информацию, что с 2015 по 2017 год более половины казахстанцев, выехавших в «Исламское государство», составили женщины и несовершеннолетние дети (Карин, 2020: 130).

Проблема вовлечения женщин в экстремистские организации поднимается ООН. Так, в ре-

золюции Генеральной Ассамблеи ООН 70/291, посвященной Глобальной контртеррористической стратегии ООН содержится призыв к государствам членам и структурам ООН особое внимание обратить на факторы, ведущие к радикализации женщин с вовлечением их в террористическую деятельность. (Руководство по гендерным аспектам мер борьбы с терроризмом в рамках уголовного правосудия, 2019:14), а также учитывать их в контртеррористических стратегиях государств.

Хотя так называемое «Исламское государство» территориально было разгромлено в Ираке в 2017 году, а в Сирии в 2019 году, однако продолжают существовать его ответвления, в частности «Вилаят Хорасан» в Афганистане, а также сумевшие бежать боевики, боевики ИГИЛ, заключенные в тюрьмы, беженцы из ИГИЛ в лагерях Аль-Холь и Аль-Радж (в основном женщины и дети), где по мнению исследователей имеются высокие риски повторной радикализации (Cook, 2023: 51).

Таким образом, изучение факторов вовлечения женщин в джихадистские организации, в частности, в ИГИЛ является актуальной проблемой как для всего мира, так и для Казахстана. Понимание факторов радикализации женщин важно в свете реализации программы реабилитации и реинтеграции женщин, возвращенных из Сирии в Казахстан в ходе гуманитарной операции «Жусан» и превентивных программ по во-

влечению людей в религиозно-мотивированные экстремистские группы.

Обоснование выбора темы, цели и задач

Масштабы вовлечения женщин в так называемое «Исламское государство» обусловили рост интереса исследователей и экспертов к проблеме радикализации женщин и присоединения их к джихадистским организациям.

Попытки составить унифицированный социальный профиль данных женщин, как и в случае с профилем мужчин-джихадистов, привели большинство исследователей к опровержению многих стереотипов в отношении людей, уязвимых к идеологии джихадизма. В этом отношении, одной из информативных и обобщающих работ является исследование М. Сейджмана, которое опровергает сложившиеся стереотипы в отношении типологических характеристик джихадистов. А именно, что это молодые люди из бедных семей с низким социально-экономическим статусом, с низким уровнем образования, безработные, с наивными и уязвимыми умами и являющиеся пассивными реципиентами промывания мозгов, с ментальными расстройствами (Sageman, 2008: 47-71). В отношении уровня их религиозности и происхождения из светских или религиозных семей, то однозначного вывода также нет, так как многое зависело от географии, а именно те, кто выросли в Европе, были преимущественно из светских семей, а данные опроса из Индонезии и Малайзии показали, что многие были из религиозных семей и с молодости являлись религиозными людьми, а также были те, кто учился в медресе. М. Сейджман отмечает две черты, которые свойственны большинству джихадистов, в частности молодой возраст, в среднем 25 лет, и поверхностное представление о религии. М. Сейджман приходит к выводу, что необходим более индивидуальный подход к исследованию мотивов и факторов присоединения молодых людей к джихадистским группам, учитывающий личные ситуации и социальные контексты, в которых они жили. Например, в европейском контексте это ситуация с мигрантами во втором поколении, которые не смогли в полной мере интегрироваться в европейское общество, испытывающие кризис идентичности, и находящиеся в поиске принадлежности к группе и «моральной вселенной», которая коррелировала бы с их собственным опытом (Sageman, 2008: 71-89). Таким образом, М. Сейджман указывает на поиск идентичности и смыслообразующей

понятной идеологии в качестве взаимосвязанных и важных факторов.

В отношении женщин, вовлеченных в ИГИЛ, исследователи Э. Солтман и М. Смит, исследовав 100 женских профилей женщин, выехавших в ИГИЛ, приходят к сходным с М. Сейджманом выводам. Так, они отмечают «значительное разнообразие в профилях женщин, становящихся радикализированными и мигрировавшими в ИГ» (Saltman, Smith, 2015:5) и невозможность создать единый профиль данных женщин, основываясь на возрасте, этничности, семейных отношениях, уровне образования или уровне религиозности.

Исследователь де Лид указывает не только на разнообразие в социальных профилях женщин, присоединившихся к ИГИЛ, но и на разнообразие их мотивов. Де Лид считает необоснованным стереотип «невест джихада» как главного и всеобъясняющего мотива выезда этих женщин. Исследователь поясняет: «В то время как замужество – это важная практика женщин поддерживающих ИГИЛ, объяснение мотивов женщин только перспективой замужества это упрощение сложности феномена, который усиливает стереотипы в отношении женщин и ислама» (Seran de Leed, 2018: 43-44). Утверждая комплексность факторов радикализации женщин, де Лид делит их на три уровня: макроуровень, мезо-уровень и микроуровень. Макроуровень включает международные и национальные контексты, такие как рост исламофобии, политика западных стран по отношению к мусульманским государствам, что подпитывало тезис ИГИЛ о том, что умма под угрозой и необходимо встать на ее защиту. На национальном уровне это могут быть действия правительства, направленные на запрет носить хиджаб, никаб и ограничения, налагаемые на покрытых женщин, что может привести к их отчуждению и, вместе с другими факторами, к переезду в «Исламское государство». На мезоуровне, можно выделить такие факторы как влияние религиозных радикалов из социального окружения, поиск принадлежности к группе, которая бы приняла их с теплотой и пониманием. Факторы микроуровня могут включать тяжелую личную ситуацию, например, смерть близкого человека, проблемы в семье, опыт насилия в семье. Также, это может быть поиск приключений и романтический фактор, а именно желание выйти замуж за настоящего мужчину-защитника ислама. Данные разноуровневые факторы, усиливая друг друга, могли привести к хиджре в так называемое «Исламское государство». Сре-

ди перечисленных факторов на разных уровнях одним из значимых факторов является фактор идентичности.

В качестве значимого фактора вовлечения женщин в ИГИЛ, исследователи отмечают гендер-ориентированную пропаганду данной террористической организации. Исследователи Х.Рафик и Н. Малик (Rafiq, Malik, 2015:8-10) приводят обещания ИГИЛ для женщин, в которых подчеркивается, что женщины играют большую роль в построении «Исламского государства», отличную от мужчин, но не менее значимую. Эта роль заключалась в воспитании следующих поколений джихадистов и поддержка мужей-джихадистов. Кроме того, им обещали создание возможностей для реализации себя как благочестивых мусульманок, чего они были лишены в стране происхождения из-за законодательных ограничений, обретение нового понимающего социального окружения – сестер. Как показывает исследователь Х. Хелгат-Дуст (Khelghat-Doost, 2017: 21-22), данная организация использовала прагматический подход для инкорпорации женщин в «Исламское государство», предлагая им утопическое общество, в котором они могут выполнять свои социальные обязательства и придерживаться строго религиозных предписаний, создавая параллельные институты для женщин и, соответственно, благоприятную среду для их использования в различных ролях, не только как домохозяйку, но и учителя, врача, члена женской бригады «аль-Ханса», вербовщика в социальных сетях и др. Это, по мнению исследователя, можно рассматривать как вызов западной модели эмансипации женщин (Khelghat -Doost, 2017: 22).

Исследователь Мохамед Х.А. (Mohamed, 2017: 130), обобщая пропаганду ИГИЛ в отношении женщин, приходит к выводу, что, по сути, она обещала женщинам-мусульманкам новую привлекательную идентичность, а именно быть частью большого проекта «Исламского государства» и, в его рамках, принадлежать к сестрам ИГИЛ. Мохамед Х.А. пишет: «Чувство отчуждения от общества, к которому они принадлежат, но с которым они себя не идентифицируют, поиск исламской идентичности и чувства принадлежности и сестринства – ключевые факторы для выезда» (Mohamed, 2017: 130).

Исследователь политического ислама О. Руа, также актуализирует тему идентичности, характеризуя процесс радикализации молодых людей, становление их «новыми радикалами», присое-

динившимися к ИГИЛ. О. Руа называет их «рожденными вновь» (Roy, 2017: 26), конкретизируя это такими понятиями как «поколенческий разрыв», что означает отказ от следования традициям, идеям своих отцов, а также отказ от ценностей и культуры общества, разрыв с обществом, в котором они родились и живут, бунт молодежи, внутренний конфликт, эстетизация насилия, стремление стать героем-мстителем как в видеоиграх и поиск утопического общества как контробщества по отношению к существующему, что они и нашли в идеологии «Исламского государства» (Roy, 2017: 31-32).

Все, что описывает О. Руа и вышеупомянутые ученые, является свидетельством кризиса идентичности как одного из значимых факторов хиджры в «Исламское государство».

Цель настоящей статьи – исследовать роль фактора идентичности в процессе вовлечения казахстанских женщин в экстремистскую идеологию и их выезда в так называемое «Исламское государство». Для достижения цели, мы, во-первых, рассмотрим концепцию формирования идентичности Э. Эриксона как призму, через которую мы будем исследовать казахстанский материал. Во-вторых, покажем на примере кейсов казахстанских женщин-репатрианток, возвращенных в ходе гуманитарной операции «Жусан» роль фактора идентичности в решении выезда в ИГИЛ. В-третьих, рассмотрим «новую ментальность», новую идентичность, которую они приобрели в «Исламском государстве».

Методология исследования

В связи с тем, что само понятие идентичности является многоаспектным, включающим социально-психологическое, духовно-нравственное, культурологическое, социологическое, политическое измерение для раскрытия темы исследования мы применяли междисциплинарный подход.

В качестве концептуальных рамок статьи мы использовали концепцию идентичности и кризисов идентичности известного психолога Э. Эриксона по нескольким причинам. Первое, Э. Эриксон дает целостное определение идентичности. Идентичность, согласно Э. Эриксону (Эриксон, 2006: 12), – это самоопределение личности во всем богатстве ее отношений к себе и окружающему миру, целостный образ личности, включающий самоощущенность и отнесение

себя к группе (принадлежность к группе), владение личностью, независимо от ситуаций и способность личности к решению задач, возникающих на каждом этапе развития. Второе, Эриксон рассматривает процесс формирования идентичности через переживание человеком ряда психосоциальных кризисов (кризисов идентичности), в которых он стоит перед необходимостью решения задач, от которых зависит успешность или неуспешность последующей жизни (Эриксон, 2006: 13-16, 25-26). Третье, на формирование идентичности на разных этапах развития влияют различные факторы, от отношений в семье и «социальной топологии обстановки его детства» (Эриксон, 2006:70), включая культуру региона и особенностей социальных и культурных норм, до исторических перемен и динамики современного ему общества. Четвертое, понятие о негативной идентичности, которое представляет для нас большой интерес. Преимуществом концепта Э. Эриксона является показ процесса кристаллизации идентичности не только как внутреннего психологического процесса, а как включенного в историко-культурные, социальные и политические контексты и находящегося под их влиянием.

В качестве метода исследования мы использовали интервью с женщинами, возвращенными из Сирии, которые мы проводили вместе с исследователем М.С. Бекмаганбетовой в ходе нашего участия в гуманитарной операции «Жусан», а также и в ходе индивидуального исследования через год после их возвращения. Социальные профили женщин, стратегии радикализации и выводы о мотивах выезда казахстанских женщин представлены в совместной статье (Шаповал, Бекмаганбетова, 2021) на основе 40 интервью. Настоящая статья представляет более детальное рассмотрение фактора идентичности и его роли в вовлечении казахстанских женщин в ИГИЛ через призму концепции кризиса идентичности Э.Эриксона с конкретными примерами из жизни этих женщин. Собранный эмпирический материал был дополнен историями жизни женщин-репатрианток, содержащимися в книге Е. Карина, подробно рассказывающей о гуманитарной операции «Жусан».

В рамках соблюдения конфиденциальности имена женщин, с которыми мы проводили интервью, в тексте статьи не приводятся, а заменяются буквенными обозначениями. Факты из жизни казахстанских женщин, взятые из книги Е. Карина, приводятся с именами женщин, поскольку автор их опубликовал.

Результаты исследования

1. Концепция кризиса идентичности Э. Эриксона и ее применение к изучению проблемы вовлечения женщин в экстремистские организации

Исходя из того, что большинство исследователей, как было показано выше, указывают на гетерогенность социального профиля радикалов, а также их мотивов, то важно адаптировать более комплексный подход, который комбинирует внимательное исследование жизненного опыта людей, присоединившихся к экстремистским организациям с влиянием исторических и социальных контекстов, что позволило бы выявить общие черты, где это релевантно. Также такой подход позволит выявить проблемные зоны в обществе, которые требуют особого внимания и решения.

В своей концепции кризиса идентичности Э.Эриксон выделяет восемь возрастных кризисов идентичности, через которые проходит каждый человек для формирования своей идентичности. Путем переживания этих кризисов у человека формируются базовые чувства, знания, навыки, поведенческие установки, ценностные ориентиры, которые позволяют прийти к целостному образу своего «Я», пониманию себя и своего места в обществе. Если человек не преодолевает успешно каждый возрастной кризис идентичности, то в результате накапливающихся нерешенных внутренних конфликтов, формируются неправильные идентификации и он приходит к состоянию «спутанности идентичности», и к негативной идентичности, что означает неспособность найти свое место в жизни, отчуждение от общества и высокие риски делинквентного поведения, которое нарушает правила общественного порядка, нравственно-этические нормы общества, соответственно, ведет к допущению насильственных действий и их оправданию.

Из восьми кризисов идентичности шесть кризисов приходятся на период от рождения до 25 лет. Первые три кризиса идентичности приходятся на период от младенчества до шести лет: 0-18 месяцев; 3-4 года; 5-6 лет. В этот период важную роль играет семья, отношения в семье, личности родителей, их отношение к ребенку. Необходимо учитывать культурные и социальные контексты, в которые живет семья. Э.Эриксон отмечает, что нужно соотносить детство человека с существованием его семьи в определенном регионе (юг, запад, восток, север, центр-периферия), с миграцией семьи, с до-

стижениями и потерями семьи, учитывать, были ли в семье переходы в другую религию, а также выявить, какая часть семьи оказывала наибольшее влияние на ребенка.

Следующие три кризиса идентичности приходятся, согласно Э. Эриксону на школьные годы (6-12 лет), юность (12-19), молодость (20-25 лет). Стадии отрочества и юности, которые приходятся на данные три кризиса идентичности являются критическими для формирования идентичности человека. Школьный период в соответствии с концепцией Э. Эриксона представляет собой очень важный этап жизни человека, когда он овладевает знаниями, навыками, установками, ценностными ориентирами, которые необходимы для построения дальнейшего жизненного проекта в данном обществе. Э. Эриксон подчеркивает, что в этот период очень важна роль учителя, который призван помочь овладеть необходимыми компетенциями и предупредить неправильные идентификации, которые ведут к отчуждению от общества. Отрочество и юность характеризуются «страстными поисками тех людей и тех идей, которым можно верить» (Эриксон, 2006: 139-140), а также поиск идентичности через принадлежность к группам. Для юноши и девушки важно в данный период переживания очередного кризиса идентичности быть в движении, участвовать в движениях своего времени, чувствовать себя важным. В отношении потребности в идеях, то в идеологическом плане в этот период для молодежи являются привлекательными простые, порой тоталитарные и жесткие доктрины, которые дают готовые решения. Если государство не может предложить молодежи идеологию, которую бы она разделила, а также включить молодых людей в конструктивные виды деятельности, в позитивные группы, в выполнение задач, стоящих перед обществом и государством, то возникают повышенные риски формирования негативной идентичности. Негативная идентичность выражается в пренебрежительном отношении к тем ролям, которые ему предлагает семья и общество. Это может быть привести к отчуждению от семьи, этнокультурных традиций, от гражданских ценностей, общества в целом, которое воспринимается как фальшивое. Эриксон отмечает, что в этом случае человек может даже назваться новым именем и заново реконструировать свое прошлое, соответственно, формируется новая идентичность не как преемственная по отношению к предыдущей, а как отрицающая ее (Эриксон, 2006: 182-183).

Формирование идентичности, или как ее обозначает Э. Эриксон, «драма развития личности» (Эриксон, 2008:9), находится под влиянием исторических перемен и кризисов общественного развития. Если общество переживает радикальные перемены, то увеличивается риск обращения определенной части молодежи к альтернативным идеологическим проектам, как правило радикальным. Развитие новых технологий дает возможность лидерам и группам, несущим альтернативную идеологию, распространить свое влияние и вовлекать в свои ряды неофитов.

Таким образом, Э. Эриксон указывает на ключевые аспекты формирования идентичности, на которые стоит обратить внимание при анализе вовлечения людей в экстремистские организации, в данной статье в фокусе нашего внимания – вовлечение женщины. Это семья и детский опыт; это школа как критически важный этап, который охватывает подростковый период; это события периода юности, включая изменения в жизни, переезды в другой город, новое социальное окружение, принадлежность к группе, виды деятельности, авторитеты, ценностные ориентиры; это наличие у государства идеологической системы, которая обеспечивала бы ценностную ориентацию и включение в общественные и государственные процессы; это исторические перемены, которые влияют на жизнь человека и социальные структуры, в которые он включен.

В контексте темы исследования, следует добавить учет гендерных особенностей. Исследователи Э. Спекхард и М.Д. Элленберг провели 220 глубинных интервью с последователями ИГИЛ, включая репатриантов, беженцев, а также заключенных в тюрьмах по выявлению их опыта вовлечения в ИГИЛ и мотивов выезда на территорию «Исламского государства». Среди них были представители разных европейских и неевропейских стран, включая Казахстан. Они выделили психосоциальные факторы, которые способствовали уязвимости людей для воздействия ИГИЛ, и, показали, что, при сходных факторах, значимость их для мужчин и женщин отличается. Так, если для мужчин среди факторов уязвимости преобладают в большей степени социальные факторы такие как безработица, криминальное прошлое, экономические причины, и в меньшей степени психоэмоциональные. Для женщин особенно важными оказались психоэмоциональные факторы уязвимости, в частности развод родителей и семейные конфликты, предыдущие травматические события, влекущие

стресс и депрессию, раннее отделение от родителей. Также женщины называли пережитый опыт эмоционального и физического насилия, тогда как среди мужчин таких был совсем маленький процент (Speckhard, Ellenberg, 2020:97). Данные исследователи отдельно выделили мотивы мужчин и женщин, которые послужили непосредственной причиной их эмиграции в «Исламское государство», и иерархия мотивов имела различия. У женщин первыми по значимости мотивами были исламская идентичность, семейные связи, помощь мусульманам, романтика, тогда как у мужчин преобладающими мотивами были помощь мусульманам, исламская идентичность, трудоустройство, идеология халифата, джихадистская идеология (Speckhard, Ellenberg, 2020: 106). В этом исследовании представленность людей с разных стран дает широкую картину уязвимостей и мотивов, но, с другой стороны, дает меньше возможностей учесть специфический контекст стран. Исследователи делают различие между европейскими и неевропейскими странами, но среди неевропейских стран также много различий в историко-культурных, социальных и политических контекстах.

2. Фактор идентичности в процессе вовлечения казахстанских женщин в ИГИЛ

Значительный объяснительный потенциал концепции Э. Эриксона подтверждается собранным казахстанским эмпирическим материалом. В отношении семьи, следует отметить, что многие казахстанские женщины, совершившие хиджру, выросли в неполных семьях (Карин, 2020: 172). Исследователь Е. Карин приводит цифру 39%. Это также подтверждается нашим исследованием. В частности, данные женщины указывали, что родители развелись, и они воспитывались одним из родителей (в большинстве случаев матерью), или бабушкой и дедушкой. Е. Карин описывает кейс одной из женщин, которую в детстве бросила мать, оставив дочь и двух братьев на попечение отца, страдающего алкоголизмом (Карин, 2020: 173). В нашем исследовании, была молодая женщина из неполной семьи, которая из-за алкоголизма матери, оказалась в интернате. Также, были молодые женщины, которые указывали на конфликты в семье, свидетелями которых они были. В семье закладывается «чувство базисного доверия» (Эриксон, 2006:106), что является краеугольным камнем личности и оказывает большое влияние на формирование идентичности человека. Если чувство базисного доверия снижено, то это вы-

ражается в отчуждении, в уходе в себя, в конфликте с другими или самим собой. В этот же период формируется автономное «Я» ребенка, его самооценка, а также границы возможного в сфере морали. Опыт конфликтности в семье в период трех возрастных кризисов идентичности (с периодом младенчества до школьного возраста) ведет к в росту внутренней конфликтности и проблемам с формированием идентичности.

В отношении образования, все женщины прошли институты социализации в виде средней школы, колледжа, института, кроме тех, кто был вывезен ребенком и, соответственно, не окончил среднюю школу. По данным нашего исследования, 45% женщин, выехавших в ИГИЛ, имели высшее и среднее специальное образование, 30 % учились в ВУЗах или колледжах, и не доучившись, выехали в «Исламское государство», 13 % не продолжили учебу после окончания 9 классов и 11 классов, остальные женщины были вывезены родителями, когда учились в школе (Шаповал, Бекмаганбетова, 2021: 301). Это коррелирует с данными Е. Карина, согласно которому 40% имела на момент выезда высшее и среднее специальное образование, а среднее имело 35% (Карин, 2020:171). Подавляющее большинство женщин окончили школу, то есть прошли основной институт социализации общества, но не нашли свое место в обществе, не усвоили ценности этого общества, и оказались уязвимы для экстремистской идеологии. Школьные годы и период юности являются важнейшими и критичными для формирования идентичности. В случае успешного прохождения кризисов идентичности молодой человек обретает позитивную идентичность, интеграцию личности и понимание своего места в обществе, а в случае неудачного течения данных периодов формируется негативная идентичность, которая сопровождается отчуждением от себя и от общества. На школьные годы приходится кризис идентичности подросткового возраста, когда актуальными становятся вопросы поиска идентичности через принадлежность группы и направление энергии подростков в конструктивное русло. В этот период, как отмечает Э. Эриксон, для преодоления кризиса и формирования позитивной идентичности необходим авторитетный учитель, идеологическая система, дающая устойчивые ориентиры и идеалы, вовлечение в различные виды развивающей и полезной деятельности. Исходя из этого, школьное образование не может быть только передачей знаний, а должно включать воспитание. Образование означает формирова-

ние целостного образа, путь духовного самоопределения человека, что приводит к позитивной идентичности. Большой процент молодых женщин, окончивших школу, но, оказавшихся уязвимыми для экстремистской идеологии, свидетельствует о проблемных зонах в главном институте социализации, которые проходят все молодые люди.

М. Сейджман в своей книге о джихадизме подробно анализирует вовлечение в данную идеологию двух девушек-сестер, которым было по 13 лет, когда они были осуждены за подготовку теракта в 2003 году, в Рабате (Марокко). Жизненная траектория девушек представляет собой накопление нерешенных конфликтов, которые сопровождали кризисы идентичности. Это опыт неблагополучной конфликтной жизни в семье с бабушкой и дедушкой, а потом с матерью, это уход из школы, учителя которой не пытались вмешаться и оказать помощь. В результате излишняя энергия подросткового возраста и желание самоутвердиться через принадлежность к группе привели их в радикальное исламистское окружение в одной из мечетей, среди которого были такфириты. Девушки стали посещать собрания, слушать радикальных проповедников. Они нашли здесь принявшую их группу, лидера группы, который стал героем, образцом для подражания для них. Идеи о страдании мусульман, справедливости и необходимости борьбы легли на благодатную почву отчуждения от общества. М. Сейджман отмечает, что они были злы на мир и то, что они читали и слушали в этой группе, давало им интерпретацию мира и руководство, что делать в жизни. История их поведения на суде и, затем, в тюремной заключении, также подтверждают, что в результате нерешенных кризисов идентичности, сформировалась негативная идентичность. В современном обществе вовлечение подростков в религиозно-мотивированные экстремистские группы стало проблемой, которая требует более детального исследования и внимания со стороны государства.

Следующий период кризис идентичности – юность, когда бушующая энергия молодого человека требует идей и идеалов, «моральной вселенной», которые бы дали ясную картину миру для юношей и девушек с понятными смыслами и возможностями для самореализации и участия в важном деле. В условиях неопределенности относительно государственной идеологии или ее недостаточной корреляции с духовными, когнитивными, эмоциональными потребностями молодежи, молодые люди ищут альтернативные

идеологические системы. Одной из таких альтернатив стала идеология ИГИЛ, проповедники которой активно действовали и до сих пор действуют в медиапространстве.

В случае с Казахстаном, и в целом, с постсоветским пространством, следует отметить общий идеологический кризис, который создал условия для радикализации сознания молодежи, в рамках которого часть молодых людей обратилась к идеологии джихадизма. В этом контексте становится понятным тезис О. Руа об «исламизации радикализма» (Roу, 2017: 10), когда он описывает «новых радикалов», разделяющих идеологию джихадизма.

Исследователь Д. Гараев отмечает важность учета постсоветского контекста для понимания русскоязычного джихадизма, проповедники которого через понятный постсоветскому человеку язык, образы, концепции продвигали данную идеологию (Garaev, 2023: 10, 100). Для Казахстана это также актуально, поскольку большинство присоединившихся к ИГИЛ казахстанских граждан слушали русскоязычных проповедников. Исходя из наших интервью с женщинами-репатриантками, один из наиболее популярных проповедников среди них, чьи лекции они регулярно слушали, был русскоязычный проповедник джихадизма Саид Бурятский (Полевые записи автора, май 2019 г.). Он был ликвидирован российскими спецслужбами в 2010 году до возникновения ИГИЛ и провозглашения «Исламского государства» в июне 2014 года, но его медиа-джихадизм продолжал вовлекать молодежь. Анализ его жизни и проповедей, проведенный Д. Гараевым (Garaev, 2023: 100-105), делает понятным его привлекательность для молодых людей. В его проповедях звучали идеи об «искренности», «самопожертвовании», «великих делах», что подкреплялось его собственной смертью, которая стала восприниматься как смерть мученика. Все эти идеи и его образ героя, готового пожертвовать своей жизнью ради идеи, соответствовали устремлениям молодых людей в период кризиса идентичности юности. Е.Карин в своей работе называет имена радикальных проповедников Дарына Мубарова, Назраттулы, Надира Бухари, которых также слушали женщины-репатриантки до выезда в «Исламское государство», и почерпнули у них идеи «о джихаде для женщин, как «борьбу со своим нафсом (страстями) и совершение хиджры (переселение)» (Карин, 2020: 177). Среди казахстанских женщин-репатрианток были молодые женщины, которые выехали в ИГИЛ, при-

влеченные образом героя – настоящего мусульманина, защищающего мусульман, готового на самопожертвование, что коррелирует с образом и идеями Саида Бурятского. Так, респондентка Д. выехавшая в ИГИЛ, будучи студенткой университета, целенаправленно искала себе мужа с твердыми идеологическими убеждениями, носителя идеи «Исламского государства», и, выходя замуж за второго мужа, предпочтение отдала мужчине, который имел опыт борьбы за земли Шама (Полевые записи автора, октябрь 2020).

Период юношества, как правило, сопровождается большими изменениями в жизни молодого человека, а именно, поступлением в колледж или высшее учебное заведение, переездом в другой город, необходимостью адаптироваться к новому социальному окружению, в целом к взрослой жизни, выбирать свою жизненную стратегию. Значительная часть женщин-репатрианток оказалась в такой жизненной ситуации, в частности, в ситуации переезда из небольшого поселка/небольшого города в большой город в связи с учебой, или начали работать, и среди своего нового социального окружения встретили женщин, вовлекших их в радикальные женские джамааты (община), где они слушали джихадистских проповедников, им находили мужей с соответствующими взглядами, что в результате приводило к выезду в «Исламское государство». Так, респондентка Г. приехала в большой город, поступив в университет, начала подрабатывать продавцом в бутике в торговом центре и стала общаться с женщиной с соседнего бутика, с которой она начала читать намаз, затем одела хиджаб, затем стала посещать женские собрания, потом ей нашли девушки из джамаата состоятельного мужа, но с радикальными взглядами, и через несколько лет они вместе выехали в «Исламское государство» (Полевые записи автора, май 2019). Е. Карин приводит также историю молодой женщины Малики Таженовой, которая прожила в Сирии пять лет, и сама смогла сбежать с территории ИГИЛ в Турцию, а затем вернулась в Казахстан. Она выросла в благополучной семье, но рано уехала из родительского дома, из небольшого города Кульсары в областной центр Атырау, где после окончания 9-ти классов поступила в колледж и попала в новое окружение. На съемной квартире жила вместе с девушками, которые ее вовлекли в радикальную идеологию, а затем подобрали мужа из радикального джамаата (Карин, 2020: 200-203).

Как мы отмечали, неизжитые предшествующие кризисы идентичности, проблемные зоны в

институтах социализации и неопределенность в идеологической системе государства повышают риски «спутанности идентичности», когда юноша или девушка не могут найти свое место в обществе. Э. Эриксон отмечает, что «спутанность идентичности» приводит к спутанности ценностей. В этой ситуации возникают большие риски того формирования негативной идентичности, которая предполагает отвержение семьи, культуры, общества, государства и поиск альтернативной идеологической системы, которая бы стала ориентиром для формирования новой идентичности. На наш взгляд, этап «спутанности идентичности» и негативной идентичности пережили многие молодые женщины, выехавшие в ИГИЛ с мужьями или в одиночку.

Среди мотивов выезда больше половины казахстанских женщин (51%), согласно нашему исследованию, указали желание жить в Исламском государстве, которое они называли Дауля, где все, по их словам, функционирует по шариату, в соответствии с нормами ислама (Шаповал, Бекмаганбетова, 2021: 312). Через отрицание своей прежней жизни и прежней идентичности они пришли к исламской идентичности и картине мира в интерпретации сторонников ИГИЛ.

3. Новая идентичность как цель «Исламского государства»

Исследователь О. Руа, характеризуя джихадизм, отмечал, что новшества, которые были введены в исламскую доктрину разработчиками этой идеологии в виде новой интерпретации джихада, куфра и других понятий, в конечном счете, преследователи цель не просто привлечь людей на войну с неверными, а создать новый тип мусульман, которые были бы оторваны от своих семейных, родовых, национальных, этнических связей (Roy, 2017: 18). Религия этих новых мусульман лишена культурных традиций народа, среди которого получила распространение, что он обозначил как декультурацию религии (Roy, 2017: 12).

Исследование Е. Карина и наше исследование подтверждают тезис о цели ИГИЛ сформировать новую идентичность, основанную на поколенческом разрыве и декультурации религии. Е. Карин приводит историю молодой женщины-репатриантки Толганай Мукыш, которая учась в университете, познакомилась с будущим мужем-практикующим мусульманином, ее одногруппником на тот момент. Следуя его примеру, она стала читать намаз, потом по его просьбе надела хиджаб, несмотря на то, что родители

были против, затем вышла за него замуж. Она рассказывает: «Муж на 4-м курсе познакомился с какими-то парнями, салафитами, наверное, как я сейчас понимаю. Они были казахами, постарше нас, не знаю, откуда, тогда особо не вникала. Муж рассказывал, вот, мол, оказывается, мы неправильно практикуем ислам – нужно так по религии, а не так» (Карин, 2020: 207-208). Вскоре муж выехал в ИГИЛ, а затем позвал ее, и она поехала к мужу в Сирию, где ее муж погиб, а она провела пять лет и вернулась на родину в рамках гуманитарной операции «Жусан-3».

В нашем исследовании, респондентка А. говорила, что считает казахские обычаи ширком, в частности паломничество к святым местам, а также, по ее мнению, люди, совершающие паломничество, выходят из ислама (Полевые записи автора, май 2019). Женщины в «Исламском государстве» одевались во все черное, полностью закрывались, включая лицо. Женщины-репатриантки ссылались на то, что есть хадис, в котором говорилось, что женщины времен пророка Мухаммада одевались в черное как вороны. Многие женщины, возвратившись в Казахстан и поменяв фасон и цвет мусульманского покрытия на более светлые цвета, сначала чувствовали себя некомфортно.

Подтверждением того, что ИГИЛ было нацелено на формирование новой исламской идентичности, является большое внимание, которое они уделяли работе с детьми, их образованию и воспитанию в духе ИГИЛ. После разгрома ИГИЛ в Ираке были обнаружены учебные материалы для образования детей на территории провозглашенного халифата. Как отмечают авторы, представившие анализ этих материалов, учебная программа ИГИЛ «представляет собой систематическое формирование картины мира, в которой детям дается моральная основа для убеждения в том, что повествование и мировоззрение Исламского государства правдивы, а все остальное ложно» (Zeiger et al., 2021: 15), а также, что «их личность подвергается нападкам со стороны врага или «другого», и они должны присоединиться к идентичности ИГИЛ и использовать такие средства, как насилие, чтобы обеспечить сохранение себя и своих сверстников» (Zeiger et al., 2021: 15). Казахские женщины-репатриантки рассказывали, что мальчиков с 12 лет забирали в муаскары на военную подготовку, формируя из них «львят халифата», а с девочками, которые назывались «жемчужинами халифата», проводились занятия для их индоктринации

и подготовки как будущих жен джихадистов и матерей будущего поколения «Исламского государства».

Ярким свидетельством о принятии новой идентичности выехавшими в ИГИЛ является то, что они сжигали паспорта, чтобы окончательно разорвать связь со своим прошлым, с государством, где они родились. Это был жест в пользу новой идентичности, принадлежности к «Исламскому государству». Как отмечает Е. Карин они считали себя мухаджирами, совершившими хиджру в «Исламское государство» (Карин, 2020: 18) и связывали свою дальнейшую жизнь и жизнь своих детей с этим государством. Соответственно, возвращенные казахские женщины и дети были без документов, и документирование стало одной из важных задач процесса их реабилитации и реинтеграции.

Обсуждение

Разнообразие в социальных профилях и мотивах выезда женщин в ИГИЛ заставляет исследователей искать более индивидуальный подход к рассмотрению данного феномена, учитывающий гетерогенность внутри этой категории женщин, и уже на основе этого выявлять общие черты. Фактор идентичности рассматривается многими учеными, включая упомянутых в статье, как один из ключевых среди факторов вовлечения женщин в идеологию ИГИЛ и совершения ими хиджры в провозглашенный халифат. На наш взгляд, применение концепции формирования идентичности известного психолога Э. Эриксона позволяет более детально и глубоко изучить роль идентичности как значимого фактора для выезда казахских женщин в ИГИЛ. Психосоциальные кризисы идентичности, переживание которых представляет собой периоды формирования идентичности человека. Шесть из восьми кризисов идентичности приходится на период жизни от рождения до 25 лет, что объясняет уязвимость именно молодых людей для экстремистских идеологий. Успешность прохождения и преодоления кризисов идентичности приводит к формированию позитивной идентичности молодого человека, ответственного перед собой и нашедшего свое место в обществе, разделяющего его традиции и ценности. В этом отношении, позитивная идентичность предполагает преемственность с предыдущими поколениями и встроена в единый континуум передачи традиций, ценностей, смыслов. В слу-

чае, нерешенного и непреодоленного кризиса идентичности на каждом этапе становления личности, накапливается конфликтность человека в отношениях с самим собой и с обществом, что в результате приводит к «спутанности идентичности», когда молодой человек не находит своего места в обществе и приходит к негативной идентичности, отвергающей семейные, родовые, этнические, культурные связи и ищет альтернативные идеологические системы и существует большие риски вовлечения в экстремистские идеологии.

Концепция Э. Эриксона дает ключевые ориентиры для внимательного изучения жизненных историй казахстанских женщин-репатрианток. В частности, это детство и опыт пребывания в семье, затем школа как главный институт социализации, который проходят все граждане страны, и опыт прохождения которого совпадает с критическими для формирования идентичности периодами отрочества и юности, далее изменения, связанные с вступлением во взрослую жизнь, отделением от родительской семьи, учебой в колледже или ВУЗе, начало профессиональной деятельности, необходимость выстраивания самостоятельного жизненного проекта.

Как было показано на конкретных примерах, значительное количество казахстанских женщин, выехавших в ИГИЛ, выросли в неполных семьях или в конфликтных семьях, затем в школе и других институтах социализации они не получили ориентиров, идеалов, ценностей для понимания себя и своего места в обществе, что способствовало росту отчуждения от общества и состоянию «спутанности идентичности» и ценностей, далее следовало формирование негативной идентичности, основанной на поколенческом разрыве и поиске альтернативной системы идей и смыслов, чем воспользовались проповедники и вербовщики ИГИЛ. В отношении казахстанских женщин, вовлеченных в ИГИЛ, важно учитывать социальный и политический контекст, в котором происходило формирование идентичности молодых людей, а именно постсоветский контекст идеологического кризиса и поиски государственной идеологии, которые продолжаются до настоящего времени. При этом, следует отметить, что «Исламское государство» серьезно занималось вопросами идентичности приехавших мухаджиров, включая женщин, о чем свидетельствует их гендер-ориентированная пропаганда, и детей, для которых создавались институты социализации для усвоения ими идеологии ИГИЛ.

Заключение

В рамках данной статьи мы рассмотрели влияние фактора идентичности на вовлечение казахстанских женщин в радикальную идеологию и на их решение уехать в так называемое «Исламское государство» через призму концепции формирования идентичности Э. Эриксона. Основываясь на жизненных историях казахстанских женщин-репатрианток, возвращенных в ходе гуманитарной операции «Жусан» из Сирии, мы показали, что их переживание кризисов идентичности сопровождалось накоплением нерешенных конфликтов и постепенным отчуждением от общества, что привело к формированию негативной идентичности, разрывающей семейные, этнические, культурные связи, и уязвимости для идеологии ИГИЛ, в которой учитывалась и роль женщин. Следуя концепции Э. Эриксона о влиянии исторических перемен, социальных, политических, культурных контекстов на формирование идентичности молодого человека мы выявили, что кризисы идентичности, свойственные молодому возрасту, казахстанские женщины проходили в условиях постсоветского кризиса идеологии и продолжающимися поисками государственной идеологии в последние десятилетия. Кроме того, изучение фактора идентичности выявило проблемные аспекты, связанные с институтами социализации, особенно школы, которая охватывает важнейшие для формирования идентичности периоды подросткового возраста и юности и должна способствовать формированию позитивной идентичности через воспитание. Также, особое внимание надо обратить на разработку государственной идеологии, которая бы предложила молодежи ясные и четкие ориентиры, смыслы, ценности и возможности для реализации в обществе.

Исследование фактора идентичности, представленной в этой статье, не является исчерпывающим. Многоаспектность концепции Э. Эриксона открывает новые перспективы для дальнейшего изучения, например, более глубокого исследования контекстов, которые оформляли становление идентичности казахстанских женщин, включая культурные и социальные нормы в отношении роли женщины в семье и обществе, гендерные стереотипы, которые обуславливают опыт женщин и их жизненный проект, особенности религиозности женщин и другие.

Исследование влияния фактора идентичности на процесс вовлечения казахстанских жен-

щин в экстремистскую идеологию и выезд в ИГИЛ, а также их новой идентичности, оформленной ИГИЛ, способствуют более эффективной реализации программ реабилитации и реинтеграции репатриантов с целью преодоления поколенческого разрыва в их идентичности и восстановление преемственности идентичности, соответственно, формирования позитивной идентичности. Также, важно учитывать фактор идентичности при организации и проведении превентивной работы с молодежью, что позволит не только снизить риски радикализации, но

и сформировать у молодых людей устойчивость против воздействия экстремистских идей.

Благодарность и конфликт интересов

Статья подготовлена в рамках финансирования КН МНВО РК (ПЦФ BR21882428 «Влияние и перспективы ислама как духовно-культурного, политического, социального явления в постнормальные времена: опыт стран Ближнего Востока и Центральной Азии»). Конфликт интересов на всех этапах подготовки статьи отсутствовал.

Литература

- Cook J. (2023) Distinguishing Children From ISIS-Affiliated Families in Iraq and Their Unique Barriers for Rehabilitation and Reintegration. *Perspectives on Terrorism*. 3 (17): 42- 69.
- Cook J., Vale G. (2018) From Daesh to ‘Diaspora’: Tracing the Women and Minors of Islamic State. Report of ICSR. London: King’s College. – 72.
- Garaev D. (2023) Jihadism in the Russian-Speaking World. The Genealogy of a Post-Soviet Phenomenon – London and New York: Routledge. – 174.
- Knelghat-Doost, H. (2017) Women of the Caliphate the Mechanism for Women’s Incorporation into the Islamic State”. *Perspective on Terrorism* 11(1): 17-25.
- Mohamed, H. A. (2017). Woman and ISIS: Social Diagnosis and Interventions. *Radicalism and Terrorism in the 21st Century: Implications for Security*, edited by A. Sroka, F. C.-R. Garrone, & R. D. T. Kumbrián. – 123–138.
- Rafiq, H., Malik, N. (2015) Calliphettes: Women and the Appeal of Islamic State. Quilliam. – 53.
- Roy, O. (2017) Jihad and death. The Global appeal of Islamic State. London: Hurst&Company. – 159.
- Sageman, M. (2008) Leaderless Jihad. Terror Networks in the Twenty-First Century. University of Pennsylvania Press. Philadelphia. – 200.
- Saltman E.M., Smith, M. (2015) ‘Till Martyrdom Do Us Part’. *Gender and ISIS Phenomenon*. Institute for Strategic Dialogue. – 80.
- Seran de Leed (2018) Western Women Supporting IS/Daesh in Syria and Iraq – An Exploration of their Motivations. *International Annals of Criminology*. 56: 43-54.
- Speckhard A., Ellenberg M. D. (2020) ISIS in Their Own Words: Recruitment History, Motivations for Joining, Travel, Experiences in ISIS, and Disillusionment over Time – Analysis of 220 In-depth Interviews of ISIS Returnees, Defectors and Prisoners. *Journal of Strategic Security*. 1 (13): 82-127.
- Zeiger S., Atamuradova F., Elsayed L., Chung M. (2021) Planting the Seeds of the Poisonous Tree: Establishing a System of Meaning through ISIS Education. 2021. Program of Extremism. – Washington DC. – 117.
- Карин Е. (2020) Операция «Жусан». Кого и почему вернули из Сирии? - Print House Gerona. – Алматы. – 272.
- Руководство по гендерным аспектам мер борьбы с терроризмом в рамках уголовного правосудия. (2019) – Вена: UNODC– 229.
- Шаповал Ю.В. Бекмаганбетова М.С. (2021) Хиджра в «Исламское государство» через призму женских нарративов. *Государство, религия и церковь в России и за рубежом*, 3: 289-315.
- Эриксон Э. (2006) Идентичность. Юность и кризис. – М.: Флинта: МПСИ: Прогресс. – 352.
- Эриксон Э. (2008) Трагедия личности. – М.: ООО «Алгоритм-Книга», 2008. – 121.

References

- Cook J., Vale G. (2018) From Daesh to ‘Diaspora’: Tracing the Women and Minors of Islamic State. *Report of ICSR*. London: King’s College. – 72.
- Cook J. (2023) Distinguishing Children From ISIS-Affiliated Families in Iraq and Their Unique Barriers for Rehabilitation and Reintegration. *Perspectives on Terrorism*. 3 (17): 42- 69.
- Erikson Je. (2006) Identichnost. Junost i krizis [Identity. Youth and crisis]. – М.: Flinta: MPSI: Progress. – 352. (in Russian)
- Erikson Je. (2008) Tragedija lichnosti [Personal tragedy]. – М.: ООО «Алгоритм-Книга», 2008. – 121. (in Russian)
- Garaev D. (2023) Jihadism in the Russian-Speaking World. The Genealogy of a Post-Soviet Phenomenon – London and New York: Routledge. – 174.
- Karin E. (2020) Operacija «Zhusan». Kogo i pochemu vernuli iz Sirii? [Operation “Jusan”, whom and why returned from Syria]. – Алматы: Print House Gerona. – 272. (in Russian)

- Knelghat-Doost, H. (2017) Women of the Caliphate the Mechanism for Women`s Incorporation into the Islamic State”. *Perspective on Terrorism* 11(1): 17-25.
- Mohamed, H. A. (2017). Woman and ISIS: Social Diagnosis and Interventions. *Radicalism and Terrorism in the 21st Century: Implications for Security*, edited by A. Sroka, F. C.-R. Garrone, & R. D. T. Kumbrián. – 123–138.
- Rafiq, H., Malik, N. (2015) *Calliphettes: Women and the Appeal of Islamic State*. Quilliam. – 53.
- Roy, O. (2017) *Jihad and death. The Global appeal of Islamic State*. London: Hurst&Company. – 159.
- Rukovodstvo po gendernym aspektam mer bor`by s terrorizmom v ramkah ugovnogo pravosudija (2019) [Guidance on Gender Dimensions of Counter-Terrorism Responses in Criminal Justice]. – Vena: UNODC– 229. (in Russian)
- Sageman, M. (2008) *Leaderless Jihad. Terror Networks in the Twenty-First Century*. University of Pennsylvania Press. Philadelphia. – 200.
- Saltman E.M., Smith, M. (2015) `Till Martyrdom Do Us Part`. Gender and ISIS Phenomenon. Institute for Strategic Dialogue. – 80.
- Seran de Leed (2018) Western Women Supporting IS/Daesh in Syria and Iraq – An Exploration of their Motivations. *International Annals of Criminology*. 56: 43-54.
- Shapoval Ju.V. Bekmaganbetova M.S. (2021) Hidzhra v «Islamskoe gosudarstvo» cherez prizmu zhenskikh narrativov. *Gosudarstvo, religija i cerkov' v Rossii i za rubezhom* [Hijra in the Islamic State through the prism of women`s narratives. State, religion and church in Russia and abroad], 3: 289-315. (in Russian)
- Speckhard A., Ellenberg M. D. (2020) ISIS in Their Own Words: Recruitment History, Motivations for Joining, Travel, Experiences in ISIS, and Disillusionment over Time – Analysis of 220 In-depth Interviews of ISIS Returnees, Defectors and Prisoners. *Journal of Strategic Security*. 1 (13): 82-127.
- Zeiger S., Atamuradova F., Elsayed L., Chung M. (2021) Planting the Seeds of the Poisonous Tree: Establishing a System of Meaning through ISIS Education. 2021. *Program of Extremism*. – Washington DC. – 117.

Сведения об авторе:

Шаповал Юлия Васильевна – доктор философских наук, доцент кафедры религиоведения Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева (г. Астана, Казахстан, e-mail: shapovaluv@gmail.com).

Information about author:

Shapoval Yuliya Vasilievna – Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor of Religious Studies Department of L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan, e-mail: shapovaluv@gmail.com).

Поступила: 28 апреля 2024 г.

Принята: 13 июня 2024 г.